

УДК 330.821.1 (332.133+339.5.018)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА И МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

К. В. Фенин

аспирант, ассистент кафедры экономической теории и национальной экономики,
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: fenin.kir@yandex.ru

Введение. Развитие экономической теории возможно как через решение новых научных проблем, так и посредством обобщения уже имеющихся методов и нетривиального толкования ранее полученных результатов. Новые проблемы экономики не могут быть поняты, если неизвестно, каким образом экономисты пришли к нынешнему образу мыслей, который и подвиг их заниматься именно данными проблемами. Посему будет полезным осуществить свежую трактовку принципов абсолютных и относительных преимуществ А. Смита и Д. Рикардо.

Теоретический анализ. В ходе исследования анализировались: смысловое содержание упомянутых принципов, историко-экономические предпосылки их зарождения, а также культура научных взглядов и система ценностей – представлений о естественном гармоничном развитии хозяйственных систем, которых придерживались А. Смит и Д. Рикардо. Аналитические отображения данных классических теорий международной торговли были интерпретированы в качестве первых моделей пространственной экономики. **Результаты.** В процессе интерпретации были обнаружены внутренние и внешние противоречия принципов абсолютных и сравнительных преимуществ. Кроме противоречий, ограничивающих объяснительную силу теорий А. Смита и Д. Рикардо, также определены факторы, которые позволили данным моделям в течение длительного времени пребывать в авангарде экономической науки и управленческой хозяйственной практики.

Ключевые слова: принципы абсолютных и сравнительных преимуществ, пространственная экономика, международная торговля, разделение труда.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-2-148-156

Введение

В 2017 г. экономическая наука отмечает юбилей – 200 лет со дня публикации Давидом Рикардо «Начал политической экономии и налогового обложения» и формулирования им принципа сравнительных (относительных) преимуществ международной торговли и территориально-отраслевого разделения труда [1, с. 112–128]. Спустя два столетия эта классическая теория остаётся почти «незыблемой», опираясь на авторитет своего создателя и на трудолюбие его апологетов, которые не единожды подвергали реставрации рикардианское учение, внося различные уточнения и дополнения, предлагая более «глубокую» его интерпретацию.

Принцип относительных преимуществ служит своеобразным мостом между принципом абсолютных преимуществ А. Смита [2, с. 330–345]

и многими современными моделями, описывающими движение хозяйственных потоков между различными территориальными образованиями: экономическими районами, национальными экономиками и экономическими союзами стран. Рикардианская модель международного разделения труда стала исходной точкой возникновения неоклассических теорий регионального роста, одного из разделов учения о пространственной экономике.

Теории регионального роста воплотили дух рикардианского учения в своих основополагающих идеях: свободной конкуренции, эквивалентном обмене, постоянной обоюдной выгоды межрегиональной торговли, внутренней мобильности факторов производства, правиле производственной функции с убывающей и постоянной отдачей от масштаба и конечной сходимости или социально-экономической конвергенции регионов [3, с. 7]. Принцип сравнительных преимуществ Д. Рикардо уместно представлять как одну из первых моделей пространственной экономики, поскольку в нём заложено объяснение географического распределения экономической активности, основанное на условных количественных сравнениях формирования системы разделения труда и структуры производства между макрорегионами – национальными экономиками отдельных государств.

Научный инструментарий теории пространственной экономики не исчерпывается вышеназванными классическими моделями. Однако различные интерпретации принципов абсолютных и относительных преимуществ пользуются большой популярностью в научной среде по причинам их простоты, математической точности описания и предполагаемого потенциала объяснения реальных экономических закономерностей. Вместе с тем в теориях пространственно-продуктового разделения труда и международной торговли А. Смита и Д. Рикардо содержатся серьезные противоречия, которые ставят под сомнение их научную достоверность. При критическом анализе теоретических интерпретаций следует учитывать исторический контекст, время, когда

были сформулированы принципы абсолютных и относительных преимуществ. Современное понимание названных теорий не может быть полноценным, если неизвестны исторические предпосылки их возникновения [4, с. 12].

Теоретический анализ

Хронологически первым из классических теорий международного разделения труда был принцип абсолютных преимуществ, изложенный А. Смитом в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» в 1776 г. [2, с. 21–32, 330–345].

В современной литературе идеи А. Смита обычно представляются в виде аподиктической – основанной на логической необходимости – модели Б. Содерстена [5, с. 281], описывающей две страны, *A* и *B*, различающихся по степени наделённости естественными преимуществами, позволяющими производить в них унифицированные товары *X* и *Y*, затратив 10 и 20 трудовых единиц соответственно в стране *A* и 20 и 10 трудовых единиц соответственно в стране *B*. Таким образом, страна *A* имеет абсолютное преимущество в создании товара *X*, который и будет предлагаться к продаже стране *B*, получая взамен от неё товар *Y*, по которому она, в свою очередь, имеет абсолютное преимущество производства. Обмен должен быть полностью эквивалентным и взаимовыгодным при условиях соблюдения равновесия торговых балансов стран *A* и *B* и отсутствия пошлин и иных «торговых барьеров», выстраиваемых государством. Трудовые затраты на производство товаров *X* и *Y* определяют их относительную стоимость, формирующуюся одинаково как внутри страны, так между двумя или несколькими странами. Трудовые затраты на производство товаров *X* и *Y* неизменны вне зависимости от объёмов их выпуска. Последнее допущение не согласуется с эффектом экономии на масштабе производства, который А. Смит оригинально описал в «Богатстве народов», восхищаясь постадийной специализацией рабочих, изготовлявших английские булавки [2, с. 21–22]. Получается, что автор не признавал ни активной политики государственного регулирования внешнеэкономических отношений, ни воздействия на них особых экономических законов, даже тех, которые он сам и открыл.

Отказ от включения государственного регулирования в теорию абсолютных преимуществ чаще всего объясняют идеологическими установками А. Смита, который отстаивал противоположную меркантилистской практике организацию международного обмена и верил во «всевластие невидимой руки рынка». Основное

же противоречие усматривают в самом ядре теории: в неоспоримом главенстве абсолютных преимуществ, в основе которых лежат естественные природно-климатические условия национальных экономик, в возникновении взаимовыгодной международной торговли. Статистика по мировой торговле в период научного творчества А. Смита была ограниченной, но некоторые показатели всё же доступны. В конце XVIII в. торговля «колониальными товарами» в ценовом выражении составляла более 1/3 мировой торговли. Возможно, что солидный объём торговли сырьевыми товарами и подтолкнул А. Смита к созданию теории абсолютных преимуществ. Очевидно, что в случае с масштабным производством выгоднее выращивать апельсины и лимоны в жарких тропических странах, а не в оранжереях Глазго, Лондона или Эдинбурга [6, с. 42].

Подобного, сомнительного и одностороннего, мнения в объяснении формирования взглядов А. Смита придерживается также П. А. Минакир. Автор утверждает, что «в XVIII – начале XIX в., когда уровень разнообразия товарных рынков был невелик, торговые взаимодействия практически полностью исчерпывались обменом продуктами монополий, возникавших на основе эксплуатации природных и технологических преимуществ. При этом природные преимущества играли определяющую роль. Поэтому вполне адекватной реальным взаимосвязям экономических агентов являлась модель абсолютных преимуществ А. Смита» [7, с. 21].

В то же время на торговлю с европейскими странами приходилось около половины внешней торговли Англии, и здесь естественные природные различия уже не могли лежать в основе объяснения абсолютных преимуществ экспортёров, продающих товары в соседние страны. А. Смит отмечает данное обстоятельство и указывает, что, наряду с естественными преимуществами, существуют ещё приобретённые, однако фактически не анализирует причин их возникновения [6, с. 42]. По мнению американского учёного Майкла Ю. Портера, у стран, достигших во внешнеэкономической деятельности конкурентного преимущества более высокого порядка, всегда на первом месте были искусственно созданные факторы [8, с. 101].

Чрезмерную абстрактность и противоречивость принципа абсолютных преимуществ можно объяснять и тем, что А. Смит сознательно не учитывал выявленных им экономических закономерностей, поскольку теоретизировал исходя из своих более ранних работ, в том числе «Теории нравственных чувств», а не из реальной логики хозяйственной жизни [9].

Выдвигая гипотезу относительно механизма международного обмена и разделения труда, А. Смит приводит дедуктивные рассуждения, основанные на мотивах поведения отдельного разумно хозяйствующего субъекта, которые кажутся ему очевидными. Образ действия экономического агента микроуровня – патриархальной главы семьи, мелкотоварного производителя – переносится на внешнюю торговлю, на пространственный макроуровень стран [6, с. 40–42].

Автор «Богатства народов» пишет: «Основное правило каждого благоразумного главы семьи состоит в том, чтобы не пытаться изготовлять те предметы, изготовление которых обойдётся дороже, чем при покупке их на стороне. Портной не пробует сам шить себе сапоги, а покупает их у сапожника. Сапожник не пробует сам шить себе одежду, а прибегает к услугам портного. <...> Все они находят более выгодным для себя запрашивать весь свой труд в той области, в которой обладают некоторым преимуществом перед соседями. Всё необходимое себе они (портной и сапожник) покупают ... на цену части продукта своего труда.

То, что представляется разумным в образе действий любой частной семьи, вряд ли может быть не разумным для всего королевства. Если какая-либо чужая страна может снабжать нас (Англию) каким-либо товаром по более дешёвой цене, чем мы сами в состоянии изготовить его, гораздо лучше покупать его у неё на некоторую часть продукта нашего собственного промышленного труда, прилагаемого в той области, в которой мы обладаем некоторым преимуществом» [2, с. 333].

Вероятно, представление об абстрактной «хозяйственной логике» вытекало из идей А. Смита о «нравственных добродетелях, верный взгляд на которые определили ещё древние моралисты, отказавшиеся от притязаний на строгую точность и довольствовавшиеся описанием в общих чертах тех чувств, на которых основаны данные добродетели» [9, с. 222]. «Общие для всех постигаемые через эмпатию нравственные добродетели», пропущенные через систему протестантских религиозных и этических воззрений А. Смита, воплотились в единую сбалансированную систему «хозяйственной логики». Профессор нравственной философии ввёл в свою теоретическую систему механизм «невидимой руки Божьего Провидения» (вместо которой интерпретаторы лукаво толкуют о «невидимой руке рынка»), которая предопределяла «рациональную» деятельность как «рачительного главы семьи», так и целых наций. Последним только лишь само Провидение предопределило заниматься каким-либо конкретным видом экономической

деятельности, основанной на дарованных им естественных преимуществах и, как следствие, быть богатыми или бедными.

Лишь в условиях такой предопределённости, когда от хозяйствующего субъекта практически ничего не зависит, становится ясен сам принцип действия механизма «невидимой руки». Только она, как божественное волеизъявление, способна преобразовать, и в конечном счёте преобразует, любые эгоистические и оппортунистические действия «*homo economicus*», максимизирующего личные выгоды, во вклад в рост всеобщего благосостояния. Получается, что в такой сбалансированной системе все эгоистичные действия нравственны, поскольку ведут к увеличению личного имущества индивида или богатства целых народов «законным путём», пусть даже за счёт ущемления интересов других.

В связи с этим становится понятным и негативное отношение А. Смита к государственному регулированию экономики. При наличии Божьего Провидения (или «невидимой руки рынка», в толковании адептов концепции рыночного либерализма) присутствие любого иного регулятора кажется излишним, а то и губительным для «естественного» течения хозяйственных процессов. Посему разумно предположить, что проблема международного разделения труда интересовала А. Смита лишь как возможность доказать, что невмешательство государства в эту область экономической жизни принесёт наилучшие плоды.

Таким образом, полный логических противоречий принцип абсолютных преимуществ правдоподобно выражал представления «шотландского мудреца» о хозяйственной логике международной торговли. Экономико-теоретическое творчество А. Смита весьма достоверно описывало основанную на протестантских духовных ценностях хозяйственную практику.

Спустя почти 40 лет после издания «Богатства народов», бывший биржевой английский маклер Давид Рикардо, изучивший труды А. Смита, отказался от принципа абсолютных преимуществ и создал свою теорию международной торговли – принцип относительных (сравнительных) преимуществ. При этом Д. Рикардо проявил должную деликатность к своему великому предшественнику, согласившись с трудовой теорией ценности А. Смита и включив его гипотезу о международном обмене в качестве частного случая своего учения о выгодах межстрановой торговли [1, с. 112–128].

В современной научной и учебной литературе чаще всего преподносится не модель международного разделения труда Д. Рикардо, изложенная в седьмой главе «Начал политической

экономии и налогового обложения», а та или иная её интерпретация. Простейшую версию арифметики гипотезы Д. Рикардо выразил в своей также аподиктической модели американский экономист П. Самуэльсон в 1964 г.: «... пусть в стране A затраты труда на производство товаров $(X; Y)$ составляют $(A_X; A_Y) = (10; 10)$, а в стране $B - (B_X; B_Y) = (20; 30)$. Очевидно, что страна A по затратам труда более эффективна в производстве обоих товаров, но относительное преимущество страны A в товаре Y больше, чем в товаре X , в силу того, что $30/10 > 20/10$. Данное сравнительное преимущество страны A в некотором товаре Y выражено в его более низкой альтернативной стоимости (затратах труда на производство) по сравнению с точно таким же товаром, производимым её торговым партнёром, то есть страной B . Поэтому A не будет экспортировать товар X и товар Y , если её относительное преимущество – в производстве товара Y , а не товара X , то есть если $B_Y/A_Y > B_X/A_X$. Обоюдный выигрыш от международной торговли получается в результате того, что каждая страна специализируется на товаре своего сравнительного преимущества и покупает товар, в котором у нее нет сравнительного преимущества, у страны – торгового партнёра» [10, с. 22]. При этом Д. Рикардо утверждал, что рыночные силы сами направят ресурсы страны туда, где они могут быть применены наиболее продуктивно [8, с. 29].

Основной новацией в гипотезе Д. Рикардо стала идея о том, что «правило, регулирующее образование относительной стоимости товаров в одной стране, не регулирует образование относительной стоимости товаров, обмениваемых между двумя или несколькими странами» [1, с. 116]. Полагалось, что обмен различными продуктами труда внутри страны в конечном счёте должен быть сбалансирован, но на международном уровне между разными странами допустим неравноценный обмен. «Труд 100 англичан не может быть отдан за труд 80 англичан, но продукт труда 100 англичан может быть отдан за продукт труда 80 португальцев, 60 русских или 120 индусов» [1, с. 119]. Дифференциация производительности различных видов деятельности в разных национальных экономиках жёстко задана и неизменна вследствие «необъяснимых географических отличий в окружающей среде или климате стран, благоприятствующих развитию тех или иных отраслей» [6, с. 29]. Поскольку, по Д. Рикардо, неравноценный обмен не препятствует международной торговле, каждое государство с «явной» выгодой для себя может вписаться в мирохозяйственный процесс. Странам в условиях свободной конкуренции необходимо допустить перелив

факторов производства в отрасли с самой высокой сравнительной продуктивностью. Таким образом, каждое государство автоматически будет ориентировано на виды экономической деятельности, обладающие относительным преимуществом. Тогда за счёт «рациональной» концентрации ресурсов в отраслях со сравнительным преимуществом неизбежен рост мирового производства – совокупного выпуска всех стран – в стоимостном выражении и всеобщего благосостояния [11].

Принцип сравнительных преимуществ в его интерпретации П. Самуэльсоном, как и теория абсолютных преимуществ А. Смита в трактовке Б. Содерстена, за внешней видимостью гармонии и математической точности скрывает глубокие противоречия. Динамика и развитие международной торговли у Д. Рикардо так же, как и у А. Смита, детерминированы природно-климатическими условиями и рыночными силами – «невидимой рукой Божьего Провидения». Анализируемые абстрактные страны A и B , в одной из которых труд более производителен вследствие «необъяснимых отличий в окружающей среде и климате», имеют сходную структуру производства и разделения труда.

Предположение о том, что рыночные силы допускают возникновение такого нерационального состояния, когда в национальной экономике B вопреки «здравому смыслу» организовалось производство в отраслях, не имеющих ни абсолютных, ни значимых сравнительных преимуществ перед внешним миром, частично объясняется историей развития экономических учений – борьбой «классиков» с меркантилистами.

Во внешней торговле в XV–XVII вв. (как, впрочем, и позднее) были популярны государственные меркантилистские меры селективной закрытости национальных экономик и протекционизма – политики защиты отечественных отраслей производства. Д. Рикардо, следуя по пути А. Смита, доказывал в своей гипотезе вредность государственного регулирования для развития мирового хозяйства и национальных экономик. Автор утверждал, что протекционизм и замкнутость страны ведут к неэффективному использованию ресурсов, которые направляются государством в отрасли с относительно низкой производительностью труда. Обнаруживается это только тогда, когда страны решают торговать друг с другом.

Согласно логике модели Д. Рикардо, утверждающей обоюдную выгоду свободно торгующих между собой стран, можно прийти к иному заключению: всеобщая выгода в условиях свободной торговли недостижима. Под действием рыночных сил значительная часть ресурсов из

стран с менее эффективным трудом будет направлена в страну или страны, где они могут быть применены наиболее продуктивно.

Указанное противоречие «разрешается» самим Д. Рикардо, если обратиться к оригинальному варианту изложения принципа сравнительных преимуществ. В тексте на английском языке примерно половина от общего объёма изложения теории Д. Рикардо (485 слов из 973) занимает объяснение главного допущения (предположения), при котором этот принцип работает, – полная немобильность факторов производства между странами на наднациональном уровне и абсолютная мобильность факторов производства внутри страны на макроуровне. К слову, термин «сравнительные преимущества» как исторически закрепившееся название для теории Д. Рикардо был позже предложен его апологетом и другим именитым классиком политэкономии – шотландцем Дж. Миллем [10, с. 22].

Помимо названного главного предположения имеется ещё и ряд других:

1) есть только один фактор производства – однородный труд, и, следовательно, только один вид издержек – заработная плата, которая прямо пропорциональна числу часов труда, необходимого для выпуска единицы продукции;

2) как и у А. Смита, издержки производства постоянны: независимо от количества производимого товара издержки остаются теми же самыми, а технология производства неизменна;

3) цены определяются и равны издержкам производства и не подвержены влиянию спроса;

4) транспортные издержки незначительны;

5) товары обмениваются на товары при бартерной торговле без денег.

Предположение о немобильности факторов производства в теории Д. Рикардо есть уступка другому его допущению – отсутствию пошлин или каких-либо «тарифных» мероприятий, ограничивающих и регламентирующих процесс товарообмена между странами. Нежелание включать в регулирование процесса международной торговли государство вызвало необходимость иной интерпретации барьеров и их отсутствия на пути движения факторов производства и товаров.

Д. Рикардо, обладая недюжинной гибкостью ума, попытался продемонстрировать преграды на пути к движению ресурсов между странами не в виде государственных формальных и институциональных ограничений, а в виде абстрактного и поэтому неоспоримого факта – отсутствия подвижности. За этим фактом стояли рыночные силы, которые, по мнению Д. Рикардо, при отсутствии прямых и косвенных государственных запретов стимулировали свободное движение

товаров между странами, но почему-то «тормозили» товарно-рыночное движение факторов производства между национальными экономиками. Внутри стран рыночная конкуренция свободно направляла ресурсы из одной отрасли в другую, исходя из наиболее продуктивного их использования, но не учитывая вещественной разницы в технологии производства и затратах ресурсов на изготовление различных товаров [8, с. 157; 6, с. 63].

Особые условные допущения (теоретические предпосылки) – селективная «просачиваемость» хозяйственных потоков и неоднородное избирательное действие рыночных сил – были необходимы Д. Рикардо, чтобы его гипотеза сохранила рабочий потенциал – способность к описанию и объяснению реальных хозяйственных отношений между странами. Но они имели мало общего с практикой международной торговли.

Мировая экономика в теории Д. Рикардо была ограничена взаимодействием только двух стран: Португалии и Англии. В своей модели автор отдаёт абсолютные преимущества по трудовым затратам при производстве двух видов товаров Португалии, в которой для изготовления определённого количества сукна и вина затрачивался труд 90 и 80 человек в год, а в Англии – 100 и 120 человек в год соответственно. Но Португалия имеет сравнительные преимущества перед Англией в производстве вина, поскольку для производства одной единицы вина в Португалии требуется 80/120, или 67% издержек Англии, а для производства единицы сукна 90/100, или 90% английских издержек. Для Англии производство единицы вина составляет 150% издержек Португалии, а для единицы сукна – 111% [1, с. 117–122]. Это предположение не соответствовало реальным условиям начала XIX в. Когда Д. Рикардо писал свою книгу, изменения в международном территориально-отраслевом разделении труда спровоцировали очередной контролируемый виток роста неравенства национальных экономик и неоднородности «экономического ландшафта». К примеру, Индия, некогда занимавшая видное место в мировой экономике по производству тканей и стали, попав в колониальную зависимость от Великобритании, перестала вывозить промышленные товары иполнила клуб стран «нижнего миллиарда».

Англия, преуспевшая в промышленном перевороте и торговой войне с Францией, пребывая в «благородной изоляции» континентальной блокады к началу XIX в., превратилась в главную «мастерскую мира». Происходило становление моноцентричной системы международного разделения труда, где вокруг «промышленного солнца» – Англии – обращались «аграрные спутники»

[6, с. 48–49; 12, с. 22]. М. Портер верно подметил: «...по иронии судьбы как раз к моменту создания теории сравнительных преимуществ промышленная революция и многие другие социально-экономические процессы сделали некоторые из её предпосылок устаревшими» [8, с. 32].

Теории международного обмена и рекомендации по межотраслевому региональному разделению труда А. Смита и Д. Рикардо служили «научным» обоснованием политики свободной торговли – «free trade», курс на которую Великобритания взяла в 1840-х гг. Первым значительным «достижением» избранного политико-экономического курса была отмена пошлин на импорт хлеба в империю. Англия смогла позволить себе вступить на путь, продиктованный классической экономической школой, поскольку процесс становления её масштабного метропольного внутреннего рынка и индустриальной мощи, питаемых за счёт менее развитых колоний, к этому времени окончательно завершился. Великобритании более ничего не угрожало в плане конкуренции с другими крупными хозяйственными державами, а для завоевания внешних рынков годилась и более мягкая экономическая политика [12, с. 22–25].

Изменения внешней торговой политики Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии совпали по времени с окончанием первой Кондратьевской волны, датируемой с конца 80 – начала 90-х гг. XVIII в. до 1844–1851 гг. Согласно концепции Н. Д. Кондратьева, глубокая трансформация национальных экономик и географии мировых хозяйственных связей, а также смена политической и экономической идеологии сопряжены с колебаниями экономической конъюнктуры и происходят именно в переломные моменты: при окончании одной большой волны и начале другой [13, с. 8, 11].

Основное нестроение теории Д. Рикардо, низводящее её до уровня нереальной гипотезы территориально-отраслевого развития экономики, – это представление труда как гомогенного и единственного фактора производства и создания стоимости. Жгучее желание Д. Рикардо разработать в рамках своего учения «идеальный» формальный закон международного разделения труда в «чистом виде» привело к рождению «ходячей спекулятивной конструкции», редкие эмпирические (статистические или фактологические) проверки которой приводили к неопределённым результатам. Одними из первых на данный факт указали Э. Лимер и Дж. Левинсон, отметив, что «рикардианская связь между направлениями торговли и относительными ценами труда слишком деликатна, чтобы обнаружить её в любых реальных статистических данных» [10, с. 22].

Формальная изящность модели сравнительных преимуществ и её спекулятивная «универсальность», определение абстрактных, не имеющих отношения к хозяйственной практике понятий о предмете исследования позволили интерпретаторам научного творчества Д. Рикардо её неоднократно модернизировать. Одним из последних был Г. фон Хаберлер, предложивший в 1950-х гг. вместо принципа относительных преимуществ принцип сравнительных издержек труда. Но и эта попытка обновления рикардианского учения не принесла значительных результатов. После Второй мировой войны развитие многих отраслей происходило за счёт роста капиталоемкости. Теория сравнительных издержек не могла раскрыть закономерности колебаний конъюнктуры международной торговли в условиях, когда национальная продуктивность зависела от применения сложной технологии и высококвалифицированной рабочей силы, а факторы производства перемещались из страны в страну, под контролем государственной тарифной и пошлинной политики [8, с. 32]. Да и сама спорная теория трудовой стоимости, редуцирующая все факторы производства к абстрактному труду, выраженному в часах, в течение своего долгого периода эволюции оказалась неспособной объяснить равенство качественно различных видов занятости, появившихся в процессе международного разделения труда, например, час труда программиста и час труда грузчика [11, 14].

Результаты

Анализ классических теорий территориально-отраслевого разделения труда и международной торговли А. Смита и Д. Рикардо выявил ряд логических и содержательных противоречий, которые объективно ограничивают их практическое применение. А. Смит, предложив принцип абсолютных преимуществ как простую логическую конструкцию, легко переводимую на язык математики и сохраняющую всю полноту при таком переводе, сузил историко-экономические рамки её использования. В XVIII – начале XIX в., когда уровень разнообразия товарных рынков был невелик и торговые взаимодействия практически полностью исчерпывались обменом продуктами монополий, возникавших на основе эксплуатации природных и технологических преимуществ, теория А. Смита была близка к реальным взаимосвязям экономических агентов, описывая процесс обмена товарами и услугами для случая монопольных рынков.

А. Смит загнал свой принцип абсолютных преимуществ в «ловушку» мнимой однородности иррационального многообразия экономических

связей, отказавшись видеть в государстве фактор, влияющий на национальные экономики и модифицирующий экономические отношения, уповая на полную свободу торговли, которой в XVIII в. не было. Учение А. Смита описывало рациональное поведение макроэкономических агентов, пространственно локализованных в пределах хозяйства отдельных стран в условиях индифферентности государственного аппарата к международной торговле, хотя государственная власть нигде более не имеет такого явного хозяйственного интереса, тесно переплетающегося с интересами других хозяйствующих субъектов, как в международной торговле и разделении труда [12, с. 18, 240]. Эти формы хозяйственных отношений реализуются во взаимодействии национальных экономик, где первую скрипку среди макроэкономических агентов играет государство как законодатель, основной собственник ресурсов, предприниматель и получатель доходов и ренты. Иные экономические агенты – домохозяйства, фирмы и иностранный сектор – при удовлетворении своих интересов должны подчиняться унифицированным экономическим законам, которые не различают географических координат, климатических или геологических особенностей [4, с. 8]. В таких условиях абсолютные естественные преимущества, которые и поставил во главу угла А. Смит, не имеют решающего значения. Потому что единообразное, лишённое всяких нюансов рациональное поведение хозяйствующих субъектов возможно только в гомогенной экономической пространственной среде, в идеальном и «без сомнений самом лучшем» мире, где нет циклов, структурных сдвигов или иных трансформаций.

Гипотеза Д. Рикардо более приближена к реальной экономике, нежели учение А. Смита, при описании хозяйственных отношений – разделения труда, торговли, обмена и потоков факторов производства – между национальными государствами. Тем не менее, и модели Д. Рикардо присущ всё тот же избирательный историзм. Негативная черта «внеисторичности» принципа относительных преимуществ – статичность. Социально-экономические теории должны раскрывать движущие силы становления и изменения системы экономических отношений, а у Д. Рикардо представлен принцип «одноразового действия». «Он не ставит вопрос о законах, обеспечивающих постоянный переход системы международного разделения труда в новые состояния. <...> В теории Д. Рикардо нет даже попытки описать и объяснить международное разделение труда, исторически сложившиеся к началу XIX в.» [6, с. 48–49]. Исследовательская

стратегия Д. Рикардо заключалась в том, чтобы теоретизировать, опираясь на формальные общие положения смитианской «хозяйственной логики», игнорируя исторические факты и статистические данные. Он не изучал механизм ценообразования в международной торговле, не анализировал внешнеторговый баланс Англии и Португалии, на примерах которых строил свою модель. Теория стоимости Д. Рикардо была верной лишь по умолчанию. В XIX столетии в условиях ограничений на движение факторов производства между странами труд и капитал не будут свободно двигаться из Великобритании в Польшу, Китай, или Ост-Индию для производства там промышленных товаров. Поэтому теория, описывающая международную торговлю, трансформировалась в теорию обмена простыми продуктами между хозяйственными средами, которые экономически сообщаются исключительно путём данного товарного обмена [12, с. 243]. И эта теория годилась в лучшем случае для объяснения общих тенденций в структуре международного товарного обмена, но не для объяснения причин, по которым страна экспортирует или импортирует какой-либо конкретный товар [8, с. 31]. Страны, имеющие сходные структуры производства и разделения труда, в рамках рикардианской модели торговать друг с другом не должны [1, с. 121]. Но на практике основной объём международной торговли в Европе приходился на государства со сходными по масштабам и структуре экономиками.

Однако именно формализм и внеисторизм принципа сравнительных преимуществ позволяли теории Д. Рикардо оставаться столь долгое время востребованной в научных кругах и среди государственных деятелей, хозяйственников-управленцев. Об этом свидетельствует неоднозначное высказывание П. Самуэльсона: «Если бы теории, подобно девушкам, могли бы одерживать победу на конкурсах красоты, теория сравнительных преимуществ, несомненно, котируется бы высоко, ибо она является стройной и логичной теорией» [6, с. 9]. Вот только не совсем ясно, прозвучал ли данный комплимент нобелевского лауреата по экономике в адрес канонической рикардианской гипотезы или же в адрес его собственной интерпретации принципа относительных преимуществ.

Концепция Д. Рикардо оказалась технически привлекательной по содержанию, поскольку учитывала специфичность условий производства товаров. С её помощью правительства многих государств просто и убедительно отстаивали собственные хозяйственные интересы, обосновывая посредством принципа сравнительных преимуществ «объективные» различия в формировании

«оптимальной» межотраслевой и межрегиональной структуры разделения труда и структуры экспорта и импорта. Достигнутое соответствие между теорией и практикой, более чем удовлетворительное для тех, кто его достиг, выражалось в том, что за странами «золотого миллиарда» закрепились сравнительные преимущества в производстве сложных, капиталоемких, наукоёмких товаров с высокой добавленной стоимостью. Полупериферии и периферии мировой экономики осталось преимущество в производстве и экспорте простых сырьевых товаров [11]. Французский историк-экономист Фернан Бродель, изучая развитие системы мирового капитализма, заметил: «Разделение труда в мировом масштабе ... не было соглашением равных партнёров, доступным для пересмотра в любой момент. Всегда были определённые привилегированные виды деятельности, которые доставляли более прибыли, нежели другие. Возделывать виноград было выгоднее, чем выращивать зерно (по крайней мере если другие соглашались выращивать зерно для вас), действовать во вторичном секторе [экономики] было выгоднее, чем в первичном, а в третичном – выгоднее, чем во вторичном» [15, с. 43].

А. Смит и Д. Рикардо, будучи классиками экономической теории, стали и авторами первых моделей пространственной экономики, описывающих функционирование международной торговли и территориально-отраслевого разделения труда. Специфика предложенных ими теорий, которые оставались в авангарде экономической науки вплоть до 1930-х гг., а в новоявленной интерпретации и до 1980-х гг., заключается в самосогласованности их формальных высказываний. Однако в концептуальных построениях принципов абсолютных и относительных преимуществ присутствуют явные логические и содержательные противоречия, рассогласованность с экономической действительностью. При этом экономическая реальность, воплощённая в теориях А. Смита и Д. Рикардо, внутри себя была и остаётся гармоничной. Стремясь к абсолютной точности модели и возможности раз и навсегда закрыть проблему международной торговли и специализации, А. Смит и Д. Рикардо пренебрегли важными внешними критериями теорий: релевантностью и возможностью описывать и объяснять с помощью них изменяющийся характер внешнеэкономической деятельности государств в разные периоды истории. Интерпретация клас-

сических теорий территориально-отраслевого разделения труда и международной торговли не смогла дополнить их статус абстрактных формально-логических схем статусом рабочей научной гипотезы.

Список литературы

1. *Рикардо Д.* Сочинения : в 4 т. Т. 1. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955. 360 с.
2. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. 684 с.
3. *Гаджиев Ю. А.* Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера : Вестн. НИЦ корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкар. гос. ун-та. 2008. № 1. С. 6–23.
4. *Минакир П. А., Демьяненко А. Н.* Пространственная экономика : эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
5. *Киреев А. П.* Puzzle Кругмана // Экономическая школа : альманах. Т. 7. Международная экономика / отв. ред. А. П. Киреев, В. Д. Матвеев. СПб., 2011. С. 269–289.
6. *Иголкин А. А., Мотылёв В. В.* Международное разделение труда : модели, тенденции, прогнозы / под ред. Т. Я. Белоуса, И. П. Фаминского. М., 1988. 184 с.
7. *Минакир П. А.* Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 12–39.
8. *Портер М.* Международная конкуренция : конкурентные преимущества стран. М., 2016. 947 с.
9. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997. 351 с.
10. *Киреев А. П.* Теории международной торговли XXI века // Экономическая школа : альманах. Т. 7. Международная экономика / отв. ред. А. П. Киреев, В. Д. Матвеев. СПб., 2011. С. 7–30.
11. *Райнерт Э. С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011. 384 с.
12. *Струве П. Б.* Торговая политика России. М., 2016. 256 с.
13. *Черемисинов Г. А.* Большие циклы в экономике : исторический опыт, теоретические модели и государственная политика. Саратов, 1993. 54 с.
14. *Черемисинов Г. А.* О толковании трудовой теории стоимости : экономическая герменевтика. Саратов, 1994. 201 с.
15. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992. 680 с.

Образец для цитирования:

Фенин К. В. Интерпретация классических теорий территориально-отраслевого разделения труда и международной торговли // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 148–156. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-2-148-156.

New Interpretation of the Classical Interregional and International Trade Theories: Economic Logic vs the Economy

C. V. Fenin

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: fenin.kir@yandex.ru

Introduction. This paper offers a new interpretation of the principles of absolute and comparative advantage. **Theoretical analysis.** The innovation of this study is its attempt to consider the old theories of international trade as the first models of the spatial economy. During the course of the theoretical research, analysis was performed not only on the semantic content of the referenced hypotheses, but also on the historico-economic and cultural backgrounds of their origins that incorporate in themselves a system of scientific views and values: ideas of natural balanced economic development to which A. Smith and D. Ricardo adhered. **Results.** As a result, the study has discovered several internal and external contradictions, which limit the explanatory power of the theories of A. Smith and D. Ricardo. The researchers have also determined the factors which allow these models to remain as the mainstream in economic theory and practice for a long time.

Key words: principles of absolute and comparative advantage, spatial economics, international trade, specialization of labor.

References

1. Rikardo D. *On the Principles of Political Economy and Taxation*. Kitchener, Ontario: Batoche Books, 2001. 333 p. (Russ. ed.: Rikardo D. Sochineniya: v 4 t. T. 1. Nachala politicheskoi ekonomii i nalogovogo oblozheniia. Moscow, 1955. 360 p.).
2. Smit A. *An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London: The ElecBook Classics, 1998. 1282 p. (Russ. ed.: Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Moscow, 1962. 684 p.).
3. Gadzhiev Yu. A. Neoklassicheskie i kumulativnye teorii regional'nogo ekonomicheskogo rosta [Neoclassical and Cumulative Theories of Regional Economic Growth]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniia i venchurnogo investirovaniia Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and innovative economic development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2008, no. 1, pp. 6–23 (in Russian).
4. Minakir P. A., Demianenko A. N. Prostranstvennaia ekonomika: evoliutsiia podkhodov i metodologiiia [Spatial Economics: Evolution of Approaches and Methodology]. *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2010, no. 2, pp. 6–32 (in Russian).
5. Kireev A. P. Puzzle Krugmana [Krugman's Puzzle]. *Ekonomicheskaiia shkola: al'manakh. T. 7. Mezhdunarodnaia ekonomika* [The School of Economics. Almanac. Vol. 7. International Economics]. St. Petersburg, 2011, pp. 269–289 (in Russian).
6. Igolkin A. A., Motylev V. V. *Mezhdunarodnoe razdelenie truda: modeli, tendentsii, prognozy* [International Division of Labor: Models, Tendencies, Forecasts. Ed. by T. Ya. Belous, I. P. Faminsry]. Moscow, 1988. 184 p. (in Russian).
7. Minakir P. A. Ekonomicheskii analiz i izmereniia v prostranstve [Economic analysis and measurements: spatial case]. *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2014, no. 1, pp. 12–39 (in Russian).
8. Porter M. *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press, 1998. 896 p. (Russ. ed.: Porter M. Mezhdunarodnaia konkurentsiia: konkurentnye preimushchestva stran. Moscow, 2016. 947 p.).
9. Smith A. *Teoriia нравstvennykh chuvstv* [The Theory of Moral Sentiments]. Moscow, 1997. 351 p. (in Russian).
10. Kireev A. P. Teorii mezhdunarodnoi torgovli XXI veka [Theories of international trade of the XXIst century]. *Ekonomicheskaiia shkola: al'manakh. T. 7. Mezhdunarodnaia ekonomika* [The School of Economics. Almanac. Vol. 7. International Economics]. St. Petersburg, 2011, pp. 7–30 (in Russian).
11. Rainert E. S. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostaiutsia bednymi* [How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, 2011. 384 p. (in Russian).
12. Struve P. B. *Torgovaia politika Rossii* [Russian Trade Policy]. Moscow, 2016. 256 p. (in Russian).
13. Cheremisinov G. A. *Bol'shie tsikly v ekonomike: istoricheskii opyt, teoreticheskie modeli i gosudarstvennaia politika* [Big Cycles in Economy: Historical Experience, Theoretical Models and Public Policy]. Saratov, 1993. 54 p. (in Russian).
14. Cheremisinov G. A. *O tolkovanii trudovoi teorii stoimosti: ekonomicheskaiia germenentika* [About Interpretation of the Labor Theory of Value: Economic Hermeneutics]. Saratov, 1994. 201 p. (in Russian).
15. Brodel' F. *Material'naia tsvivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t. T. 3: Vremia mira* [Civilisation Matérielle, Économie et Capitalisme, XV–XVIIIth centuries: in 3 volumes. Vol. 3: Le Temps du Monde]. Moscow, 1992. 680 p. (in Russian).

Cite this article as:

Fenin C. V. New Interpretation of the Classical Interregional and International Trade Theories: Economic Logic vs the Economy. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 148–156 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-2-148-156.